

Родители Лин Юй много лет постоянно жили за границей.

Еще в младших классах школы они уехали за океан развивать бизнес, погружившись в транснациональные проекты и управление компанией, так что возвращались на родину едва ли раз в год. С самого детства быт, еда и свободное время Лин Юй почти целиком проходили в доме семьи Е.

Обе семьи были связаны давней дружбой, соседи много лет поддерживали теплые отношения, ставшие поистине родственными. Родители Е отличались мягким и благородным нравом и давно воспринимали послушную, знающую толк в учебе и одаренную Лин Юй как родную дочь, позволяя ей свободно приходить и уходить. Если она проголодала — обедала дома, если уставала — отдыхала в гостевой комнате, где для нее круглый год держали наготове отдельную спальню и тепло очага.

Именно поэтому детство и юность Лин Юй от начала и до конца были пропитаны присутствием Е Сю и Е Цю.

Она была привязана к братьям Е, но сильнее всего — к Е Сю, который с малых лет молча принимал на себя всю ее боль.

Вот только с той ночи, когда поцелуй разрушил узы судьбы и обнажил все сокровенные чувства, степень их привязанности превзошла все прежние рамки.

Раньше их близость была естественной зависимостью, свойственной членам семьи, знакомством выросших вместе друзей и общением без преград.

А теперь это сближение превратилось в юношескую любовь, которую невозможно утаить, в подсознательное стремление не расставаться ни на шаг, в преданность и нежность, сияющие во взгляде и едва ли не написанные на лице.

Первым эти перемены заметил Е Цю, обладавший тонким умом и от начала до конца наблюдавший за происходящим.

За последнее время он в полной мере прочувствовал все двойные стандарты и прилипчивость собственного брата.

Раньше, играя в Слава, Е Сю хоть и часто брал с собой Лин Юй, но все же сохранял собственный темп: порой в одиночку изучал комбинации ударов или в одиночку зачищал подземелья, оставаясь в тишине и непринужденности наедине с собой.

А теперь?

Е Сю не желал расставаться с Лин Юй буквально ни на секунду.

Утром они выходили из комнаты один за другим, неизменно держась плечом к плечу, а при ходьбе их руки время от времени соприкасались в привычных, интимных движениях. Во время еды он сам клал Лин Юй ее любимые блюда, помня обо всех ее пищевых ограничениях, и окружал ее поистине микроскопической заботой. Даже когда они решали учебные задачи — пока остальные сидели за своими партами в тишине, Е Сю непременно придвигался к Лин Юй боком, вполголоса объясняя сложные примеры и помогая упорядочить мысли, а его пальцы то и дело легко касались кончиков ее волос.

Когда же наступал вечер и они садились за Слава, о разлуке не могло быть и речи.

Красный и синий боевые маги неизменно образовывали связку в группе, а когда они не зачищали подземелья, то просто стояли на площади главного стоицы: два персонажа бок о бок, а сидевшие перед экранами молодые люди тоже тесно прижимались друг к другу плечами, делясь теплом.

Е Цю сидел неподалеку над учебниками, ежедневно получая свою порцию романтики, и его сердце давно до предела онемело от этого зрелища.

Раньше ему казалось лишь, что старший брат слишком уж оберегает Лин Юй, но теперь он наконец понял окончательно:

Стоило десятилетиям роковой связи рассеяться в один миг, как Е Сю наверняка решил наверстать упущенное — все те годы сдержанного трепета и утраченной нежности.

В тот вечер за ужином воздух над столом наполнился поднимающимся паром.

Родители Е, глядя на необыкновенно прильнувших друг к другу детей, переглянулись, и в их глазах промелькнули понимающие и мягкие улыбки.

Матушка Е отложила палочки и с улыбкой поддразнила их:

Вы двое в последнее время отчего-то вечно липнете друг к другу. Раньше вы тоже были близки, но не так же, как в последние дни — куда один, туда и второй.

С этими словами кончики ушей Лин Юй чуть порозовели, она машинально качнулась к плечу Е Сю, незаметно коснувшись пальцами его рукава, и послушно опустила взгляд на пиалу с рисом.

Е Сю сохранял невозмутимое спокойствие: он протянул руку, чтобы невзначай отвести от нее стоявшую на краю стола пиалу с обжигающим супом, и беззаботно, непринужденно произнес:

Мы сходимся во всем — в учебе, в играх, в делах. Вот и держимся вместе, так удобнее.

Слова звучали рассудительно, но в глазах плескалось столько нежности и баловства, что скрыть их было невозможно.

Отец Е видел все насквозь и неторопливо произнес:

С малых лет Сяо-Юй так и норовила забежать к нам, вы с братом росли вместе, так что глубокие чувства вполне естественны. Вот только в последнее время вы и правда слишком привязались друг к другу.

Прежняя близость была открытой, искренней и свободной от предрассудков привязанностью младших членов семьи.

Нынешнее же общение несло в себе робость первых юношеских чувств: взаимопонимание при мимолетных взглядах, подсознательное предпочтение друг друга и зависимость в часы уединения — всюду сквозила особая, двусмысленная нежность.

Е Цю опустил голову к рису и молча добавил от себя:

Слишком — это мягко сказано. Сейчас они не расстанутся почти круглые сутки, если не считать сна, мне уже скоро и места в доме не останется.

Одна эта фраза мигом рассмешила всех за столом.

Щеки Лин Юй слегка покраснели, она легонько ущипнула Е Сю за запястье и тихонько пожурела за излишнюю прилипчивость.

И лишь она сама знала, что жаждет этого ежедневного совместного тепла куда сильнее, чем Е Сю.

Десять лет без боли и чувств — это он нес тяжелую ношу за нее; теперь же, когда она наконец обрела способность чувствовать тепло и холод, ощущать боль и обрела полноценные эмоции и восприятие, больше всего на свете ей хотелось дорожить тем самым человеком, который молча любил ее все эти десяток с лишним лет.

Е Сю в ответ перехватил ее тонкие пальцы, легонько переплетя их под столом — не слишком крепко, но надежно, согревая нежностью, — однако внешне остался совершенно невозмутимым и спокойно ответил родителям:

Дом у нас просторный, вдвоем веселее.

Родители Е переглянулись с улыбкой и больше не стали расспрашивать.

Оба ребенка росли у них на глазах, они знали друг друга досконально, подходили по характерам и защищали друг друга — родители давно молчаливо одобряли это, переполненные радостью от происходящего.

После ужина матушка Е принялась собирать посуду и мягко наказала:

Скоро финальные экзамены, не закливайтесь только на играх. Повторяйте материал вместе и подгоняйте друг друга.

Хорошо, тетя, — послушно отозвалась Лин Юй.

После ужина в кабинете.

Е Цю, обладая завидной сообразительностью, прихватил учебники и добровольно ушел заниматься в гостиную, полностью оставляя личное пространство двоим.

В кабинете горел мягкий свет, наполняя комнату теплом.

Дверь тихонько закрылась, отрезая посторонние звуки.

Е Сю обернулся, протянул руки и мягко прижал Лин Юй к груди, устроив подбородок на ее макушке. Его голос прозвучал мягко и ласково:

Нас раскусили. Застеснялась?

Лин Юй уткнулась ему в грудь, качнула головой и проговорила мягким, чуть капризным голосом:

Не застеснялась.

Она лишь радовалась — радовалась тому, что с самого детства, когда ей негде было найти опору, у нее всегда оставался дом семьи Е, где ее неизменно ждали.

Родители далеко за морем и не могли подарить ей совместные дни и вечера.

Зато судьба подарила ей Е Сю, который с года жеребьевки брал на себя ее боль, оберегал ее взросление и шел рука об руку год за годом.

Все те годы одиночества, когда рядом никого не было, он заполнил собой до края.

Е Сю чуть крепче прижал ее к себе, ощущая живого, теплого человека в своих объятиях.

Он и впрямь чувствовал опустошение, когда лишился способности разделять ее боль.

Но вскоре понял: истинная защита никогда не строилась на путях судьбы и принятии чужих страданий.

Она заключалась в грядущих днях и ночах, в открытом предпочтении друг друга и в праве разделять жизнь рука об руку.— Отныне, — тихо, прямо ей на ушко, нежно и серьезно произнес Е Сю. — Никаких ограничений, никакой предначертанной судьбы.

— Ты нравишься мне, и это только мой собственный выбор.

Лин Юй подняла на него глаза, в которых отражались мириады мелких звезд. Она обняла его за талию и тихонько кивнула.

Десять с лишним лет они росли бок о бок, и вот теперь узы предначертанной судьбы наконец разорвались.

Отныне им больше не придется делить друг с другом болезни и боль, их больше не связывал рок.

Только ты и я, по собственной воле, навстречу друг другу, не расставаясь ни днем, ни ночью.

В кабинете, залитом мягким светом лампы, стояла глубокая тишина.

Лин Юй только-только исполнилось тринадцать. Она рано перепрыгнула через классы и упорным трудом нагнала программу третьего года средней школы.

Черты ее лица еще полностью не сформировались, и она выглядела точь-в-точь как изящная куколка.

Ее холодная белая кожа казалась почти прозрачной, темные глаза влажно блестели, а округлый разрез придавал лицу милое, утонченное выражение. Длинные, густые ресницы при каждом движении век трепетали, словно крылья бабочки.

Аккуратный прямой носик, нежные губы... Мягкие, округлые контуры лица все еще сохраняли детскую припухлость. Стоило девочке затихнуть, как она становилась похожа на искусно

сработанную фарфоровую куколку за витриной — настолько безупречную, что в ее красоте не было ничего земного.

Но стоило ей поднять глаза, как этот чистый, ясный взгляд устремлялся прямо в душу стоявшему перед ней юноше.

Е Сю был на два года старше — ему только исполнилось пятнадцать.

Он заметно вытянулся, детская округлость уступила место более четким, резким очертаниям лица.

Красивые, тонкие брови и чуть приподнятые уголки глаз придавали его лицу привычное выражение ленивой непринужденности. Однако стоило ему посмотреть на Лин Юй, как его взгляд становился глубоким и исполненным нежности.

Высокая переносица, волевая линия подбородка, которая только-только начинала обретать мужскую жесткость, — от него так и веяло свойственной лишь юности чистотой и свежестью.

Его бледные, четко очерченные губы все еще хранили едва заметный след недавнего поцелуя. Юношеский задор смешивался с трепетом влюбленного сердца, а взгляд был намертво прикован к стоявшей перед ним девочке. Они замерли, глядя друг на друга.

Миловидное, бледное лицо девушки, изящное, словно у фарфоровой куклы, слегка горело, а ясные глаза, не мигая, были устремлены на юношу.

Е Сю смотрел на этот мягкий, хорошенький образ, и его дыхание невольно стало тише. Раньше он лишь стремился уберечь её от любой боли, а теперь, когда пути судьбы исчезли, эта крошечная, утонченная, точно фарфоровая статуэтка, девушка стояла перед ним целиком и полностью.

В комнате было слышно лишь ровное дыхание друг друга.

Лин Ю машинально сжала край одежды. Воспоминания о недавней саднящей боли в губах были еще очень свежи — впервые она ощутила физическую боль и впервые наполнилась радостью от того, что в её сердце и мыслях есть место лишь для одного человека.

— Почему ты так на меня смотришь? — тихо спросила она, и её голос — мягкий, нежный, с присущей тринадцатилетней девушке сладостью — дрогнул.

Е Сю слегка наклонился, поравнявшись с ней взглядом, и его глаза наполнились нежностью и лаской:

— Смотрю на свою маленькую девочку.

— Ты такая красивая, не могу насмотреться.

Теплый желтый свет ламп мягко заливал кабинет, очерчивая их юные, чистые черты лиц.

Лин Ю, смущенная его прямолинейным и нежным признанием, разволновалась. Её бледное кукольное личико полностью окрасилось в нежный розовый цвет, который разлился от щек до самых кончиков ушей, делая её невероятно трогательной.

Она от природы была очень бледнокожей, поэтому любая капля румянца выделялась особенно ярко, отчего её черные, влажные глаза казались еще прозрачнее и светлее. Под пристальным, обжигающим взглядом Е Сю ей некуда было деться. Пальцы девушки нервно дрожали, сжимая подол платья, и тонкая ткань мялась под её изящными кончиками. Сердце переполняла густая, чистая радость. Во всем мире, от начала и до конца, для неё существовал лишь этот пятнадцатилетний юноша.

Боясь снова потерять себя под его взглядом, боясь выдать трепет, что так трудно было утаить в глубине глаз, Лин Юй инстинктивно слегка прикусила губу.

Мягкий нажим сжал нежную плоть губ, и на них едва проступал след от недавнего поцелуя — припухший, красноватый, добавлявший ей пугливой, мягкой застенчивости.

Этот кроткий, робкий и смущенный вид наотмашь ударил в самое мягкое место в сердце Е Сю.

Глубокие глаза юноши чуть потемнели, а прежде нежный и ласковый взгляд окрасился оттенком сдержанного жара.

Он молча смотрел на её покусанные губы, на её покрасневшее личико, на её глаза, до краев наполненные чистой радостью и устремленные только на него. Его кадык невольно легко дрогнул.

Снова хочется поцеловать.

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как она безумно захватила все его помыслы, и сдержать её было уже невозможно.

Все прошедшие десять с лишним лет его сердце было заполнено лишь защитой, он лишь желал ей годами не ведать боли, жить в мире и благополучии. Но с тех пор, как тот поцелуй разрушил узы судьбы и прорвал все плотины глубоко запрятанного чувства, перед лицом этой маленькой, изнеженной и мягкой девчушки он больше не мог сдерживать бушующую на дне души жадность.

Ей было всего тринадцать, она еще не до конца выросла, сохраняя детские черты, похожая на хрупкую фарфоровую куколку — чистую, непорочную и прекрасную настолько, что нарушать этот покой было просто жалко.

Е Сю силой подавил бушующий в груди трепет. Он наклонился легко и невесомо, кончиками пальцев чуть прикоснулся к её пылающей щеке, и горячее прикосновение легло на прохладную кожу, обжигая своей нежностью.

Он понизил голос, и в его уникальном мальчишеском бархатном хрипловатом тоне прятались сдерживаемое волнение и снисходительность:

— Не кусай губы.

— Когда ты так делаешь... трудно сдержаться.

Прямое и честное признание, без единой капли притворства, высказало всё, о чем трепетало его сердце.

Лин Юй вся слегка задрожала, ресницы её в испуге затрепетали, словно крылышки бабочки, а трепет на дне сердца взметнулся бурей, до отказа заполнив всю грудь.

Она подняла взгляд и ошеломленно посмотрела на него. В чистых глазах рябило от мелких брызг слез, а мягкий голос слегка дрожал:

— Ты... перестань лезть с поцелуями...

Её мягкие и робкие слова вовсе не были отказом — скорее, они звучали как попустительство.

Глядя на то, как она смущается и в то же время полагается на него, Е Сю чувствовал, как нежность в его глазах готова пролиться через край. Кончиками пальцев он мягко обхватил её маленькую руку, сжимающую край одежды, и по одному осторожно разжал её пальчики, переплетая их и крепко сцепляя в замок.

Он больше не приближался, не позволял себе лишнего и, обуздав всю свою жадность, просто молча любовался её изящными, словно у куколки, чертами лица.

— Хорошо, — тихо отозвался он, нежно и торжественно. — Как скажешь, больше не буду лезть. Подождем, пока наша малышка Юй еще немного подрастет.

Этой ночью он будет просто тихо смотреть на неё и бережно охранять её покой.

Пережив больше десяти лет боли и защиты, скованных узами предопределения, он отныне готов отдать всю юношескую трепетность, всю нежность и пристрастную заботу — одному единственному человеку.

В тихом кабинете мягко струился свет.

<http://bllate.org/book/22386/2348742>